

The background of the cover is a dramatic, painterly illustration. It depicts a man in dark, ornate armor, possibly a knight or warrior, standing amidst a scene of destruction. His armor is dark and metallic, with some parts appearing to be covered in a glowing, fiery red substance. He has a serious, almost somber expression, looking slightly to the left. His right arm is visible, holding a sword hilt. The background is a fiery, apocalyptic landscape with orange and red flames and smoke. The overall tone is dark and intense.

BioWare™

DRAGON AGE

Падение Бариндура

Захар Чернобыльский

Захар Чернобыльский

Dragon Age. Падение Бариндура

<https://litres.ru/74351973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Задолго до событий Инквизиции, когда Тевинтер ещё только набирал силу, а эльфийские королевства не знали упадка, в самом сердце горной гряды Клыки Дракона стоял город, равного которому не было в Тедасе.

Он был построен не руками людей, а силой заклинаний. Его улицы, вымощенные светящимся мрамором, никогда не остывали. Его фонтаны пели голосами древних духов. Его сады, полные серебристых деревьев, звенели на ветру, как хрусталь. А над всем этим, на вершине спящего вулкана, возвышалась колоссальная статуя Дракона, чьи рубиновые глаза смотрели на город, как на свою собственность...

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. ТЕДАС. РОЖДЕНИЕ КОНТИНЕНТА	5
Глава 1. До начала	6
Глава 2. Первые духи	7
Глава 3. Разрыв	8
Глава 4. Рождение земли	9
Глава 5. Первые обитатели	11
Глава 6. Море, небо и свет	12
Глава 7. Имя, которое стало судьбой	14
Глава 8. Континент-загадка	15
Часть 1. ДУМАТ	16
Глава 1. До тишины	16
Глава 2. Первый шёпот	18
Глава 3. Золотой век	19
Глава 4. Предательство	20
Глава 5. Падение в бездну	22
Глава 6. Ненависть к свету	23
Глава 7. Обман	24
Глава 8. Что такое зло?	25
Часть 2. ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ	26
Глава 1. Дитя пепла	26
Глава 2. Тишина как язык	28
Глава 3. Первый шёпот	30

Dragon Age.
Падение Бариндура
ПРЕДИСЛОВИЕ. ТЕДАС.
РОЖДЕНИЕ КОНТИНЕНТА

Легенда о том, как мир обрёл форму.

Глава 1. До начала

Прежде чем появился Тедас, ничего не было. Не было неба, земли, солнца, луны. Не было времени, которое текло бы из прошлого в будущее. Не было даже тьмы — ибо тьма тоже является чем-то, а тогда не было и этого.

Была только *Тень*. Не та Тень, которую знают маги и сновидцы, — не отражение мира, не обитель духов. Нет. Тогда Тень была *всем*. Она была бесконечным, безымянным, бессознательным океаном, в котором не существовало ни формы, ни мысли, ни воли. Тень не знала, что она существует. Она просто была. И в этой безграничной, бессмысленной пустоте впервые зародилось *движение*. Не боги создали его. Не духи, и не демоны. Оно возникло само, как вспыхивает первая искра в темноте. Это было движение, которое древние называли *Дыханием*. Тень вздохнула. И в этом вздохе родился мир.

Глава 2. Первые духи

Когда Тень вздохнула, из её глубин поднялись существа, не имевшие формы, но обладавшие *сознанием*. Они были первыми. Они не имели имён, потому что некому было их называть. Они не имели тел, потому что не нуждались в них. Они были чистыми эмоциями, чистыми силами, плавающими в бесконечном океане Тени.

Одни были спокойными, как глубина, в которой они родились. Другие — беспокойными, как рябь на поверхности невидимой воды. Третьи — яростными, как волны, разбивающиеся о несуществующие скалы.

Со временем смертные дадут им имена: духи Веры, Надежды, Страха, Гнева, Мудрости, Любви. Но тогда, в начале времён, они были теми, которые впервые начали осознавать себя.

И впервые начали задавать вопрос.

«*Что есть я?*»

Этот вопрос был первым проявлением воли. Первым актом творения. Первым шагом от бессознательного существования к осмысленному бытию.

Именно этот вопрос разорвал Тень.

Глава 3. Разрыв

Никто не знает, как именно это произошло. Возможно, это было следствием слишком сильной мысли. Возможно — случайностью. Возможно — вмешательством силы, о которой мы не знаем ничего. Но в какой-то момент Тень *разделилась*.

Одна часть её осталась прежней — бесформенной, изменчивой, бесконечной. Она стала тем, что позже назовут *Тенью* в привычном понимании: миром снов, духов и демонов, отражением всего сущего. Другая часть... изменилась. Она *отвердела*. Сжалась. Обрела форму и границы. Из неё возникло то, чего раньше не существовало: *материя*. Вещество. Плоть мира.

Так родился *мир смертных*.

И в центре этого нового, твёрдого, осязаемого мира возникла земля.

Тедас.

Глава 4. Рождение земли

Формирование Тедаса длилось эпохи. Сначала это был лишь остров в бескрайнем океане — маленький, одинокий, едва различимый. Но он рос. Камень за камнем, пласт за пластом, континент поднимался из глубин, словно спал и теперь пробуждался. Древние легенды говорят, что Тедас *вырос*.

Подобно живому существу, он дышал, двигался, менялся. Его кости — горные хребты — затвердевали медленно, но неотвратно. Его кровь — расплавленная магма — текла по венам, пробивая путь к поверхности. Его кожа — тонкий слой почвы — покрывалась трещинами, из которых поднимались пары, а позже — растительность.

Первыми поднялись *Клыки Дракона* — древняя гряда, что и поныне пронзает небо. За ними — *Морозные горы*, *Драконьи пики*, *Винмаркен* и другие великие хребты. Земля стонала, трещала, извергала огонь, пока не обрела ту форму, которую мы знаем сегодня.

Но Тедас был не просто куском камня. Он был *особым местом*.

Местом, где завеса между Тенью и материальным миром была тоньше, чем где-либо ещё. Местом, где магия, мечты и реальность переплетались так тесно, что порой их невозможно было различить.

Именно поэтому Тедас стал колыбелью цивилизаций. И

именно поэтому он стал ареной бесконечных трагедий.

Глава 5. Первые обитатели

Когда земля остыла и покрылась водой, на Тедас пришли первые существа.

Это не были люди, не эльфы, и не гномы. Это были *титаны*. Огромные, древние, непостижимые существа, чьи тела были горами, чьи вены — лириумом, чья кровь — жидкой магией. Они спали глубоко под землёй, и их сны были так сильны, что формировали саму реальность вокруг.

Титаны были не просто обитателями Тедаса. Они были *частью Тедаса*. Его костями, его мускулами и сердцем. Они не знали о своём существовании, как не знает о своём существовании камень. Они просто были. Но их присутствие не осталось незамеченным.

Духи Тени, наблюдавшие за рождением материального мира, начали проникать сквозь истончившуюся завесу. Они пришли из любопытства, из желания понять, из тоски по чему-то новому. Они вошли в мир смертных. И изменились.

Некоторые из них, прикоснувшись к материи, обрели тела. Они стали первыми *эльфами* — существами из плоти и духа, бессмертными, прекрасными, связанными с Тенью неразрывной нитью. Другие растворились в земле, став частью её магии. Третьи вернулись в Тень, унеся с собой знание о новом мире. Так началась история народов Тедаса. Но это уже другая история.

Глава 6. Море, небо и свет

Континент Тедас не был одинок. Вокруг него, на востоке, раскинулся бескрайний океан, который смертные называли *Амарантайн*. И *Бурский*, на севере. Они были не просто водой, а границей между мирами. Говорили, что за их горизонтами лежат земли, куда не ступала нога смертного, и что они помнят всё, что когда-либо отражалось в их водах.

Над континентом раскинулось небо — не просто пуста, а *полотно*, на котором боги рисовали свои знаки. Солнце, луна, звёзды были не просто светилами. Они были *глазами* — наблюдателями, следящими за судьбами смертных из неведомых далей.

А между небом и землёй, между Тенью и реальностью, возникла *Завеса*. Та самая Завеса, что отделила мир духов от мира плоти. Говорили, её создал Фен'Харел своим Лириумным Кинжалом, дабы предотвратить гибель этого мира. Но не все так думали. Кто-то считал, что Завеса была *естественным* следствием разделения, произошедшего в начале времён. Она была шрамом, оставшимся на теле мироздания после того, как Тень разорвалась. И она была тонкой. И в этом они были правы. Но только в определённых местах, и случаях — там, где произошло большое количество смертей, ночью, и если использовалась магия крови. В таких местах даже слабый маг мог нащупать её края. А ещё в такие мо-

менты она могла стать прозрачной - духи и демоны могли видеть сквозь неё мир смертных, а смертные — видеть их.

Завеса была одновременно благословением и проклятием. Она защищала мир от хаоса Тени. Но она же делала его уязвимым для тех, кто хотел этот хаос впустить.

Глава 7. Имя, которое стало судьбой

Откуда взялось само название «Тедас»? Этот вопрос задавали многие. Ответ на него уходит в глубину веков, к языку, который давно исчез. Некоторые утверждают, что слово «Тедас» происходит от древнеэльфийского «те'дас», что означает *«наш дом»* или *«земля, что дана нам»*. Другие говорят, что это искажённое гномье слово, означающее *«камень, который дышит»*. Третьи — что это имя древнего духа, который пожертвовал собой, чтобы земля обрела форму.

Но есть и четвёртая версия, самая тёмная. Говорят, что слово «Тедас» на языке существ, предшествовавших духам, означало *«рана»*. Рана, нанесённая миру в момент его рождения, которая никогда не заживёт. Рана, из которой сочтётся магия, кровь и боль. И если это правда, то Тедас был обречён с самого начала быть местом, где сходятся все силы — свет и тьма, дух и плоть, жизнь и смерть. Местом, где рождаются величайшие герои и величайшие чудовища. Местом, которое никогда не узнает покоя. Потому что рана, которую не могут оставить в покое, может только кровоточить.

Глава 8. Континент-загадка

Тедас с самого начала был загадкой. Почему именно здесь возникли Титаны, эльфы, гномы, люди? Почему именно этот континент стал ареной Мора, Войн с Драконами, падения великих империй и рождения новых? Никто не знает. Возможно, Тедас — это эксперимент. Возможно, — тюрьма. Возможно, — алтарь, на котором приносятся жертвы силам, о которых мы не имеем представления.

А может, всё проще. Тедас — это просто *место*, где жизнь решила проявить себя во всей своей красоте и ужасе. Место, где свет и тьма сошлись в вечном танце, и где каждый смертный — лишь маленький шаг во всё этом. Так или иначе, континент существует. Он пережил Титанов, эльфов, Тевинтер, не один Мор. Переживёт и нас.

И когда последний смертный закроет глаза, Тедас всё ещё будет стоять. Молчаливый. Древний. Непостижимый.

Часть 1. ДУМАТ

Глава 1. До тишины

Прежде чем стать Драконом Молчания, Думат был просто... Думатом. Имя это не было дано ему смертными. Оно существовало задолго до появления первых людей, задолго до возвышения Тевинтера, задолго до того, как эльфы построили свои первые города из магии, песен и света. Оно пришло из времени, когда мир был молод и пуст, когда земля ещё не остыла, а небо было ближе к земле, чем сейчас.

Думат был одним из *Семерых* — древних существ, которых смертные позже назовут Старыми Богами. Но и это название было неточным. Ибо они не были богами в человеческом понимании. Они не были и драконами, хотя со временем приняли эту форму.

Они были *идеями*.

Первозданными силами, воплощениями фундаментальных начал мироздания. Их было семеро: Думат — Дракон Молчания, первый из богов, чей зов привёл к первому Морю, Зазикель — Дракон Хаоса, виновник второго Мора, Тот — Дракон Огня, являлся источником Третьего Мора, Андорал — Дракон Цепей, поднявший Четвёртый Мор, Уртемиэль — Дракон Красоты — бог, ставший Архидемоном во время Пя-

того Мора, Разикаль – Дракон Тайны, одна из оставшихся спящих богинь, и Лусакан – Дракон Ночи, последний из семёрки, долгое время пребывавший под землёй.

Думат не был злым. Он не был и добрым. Он был *неизбежным*, как смерть, как забвение, как тишина, наступающая после того, как стихает последний звук. Он был тем, что остаётся, когда всё остальное исчезает. Он был концом, который не имеет ни лица, ни голоса, ни воли.

Глава 2. Первый шёпот

Когда смертные впервые начали осознавать себя, они почувствовали присутствие Семерых. Не разумом — разум тогда был слишком примитивен. Они почувствовали их *звериной сутью*, тем древним инстинктом, который говорит живому существу: ты не один.

Первым, кого они ощутили, был Думат.

Потому что Думат был ближе всех. Он жил не в небе, не в земле, не в огне. Он жил в *промежутках*. В паузах между ударами сердца. В тишине между вдохом и выдохом. В темноте за закрытыми веками.

Люди не знали его имени, но они чувствовали его присутствие. Оно проявлялось в том холодке, который пробегает по спине, когда остаёшься один в тёмной комнате. В ощущении, что кто-то стоит за плечом, хотя обернувшись, никого не видишь. В звуке, который раздаётся в пустом доме, хотя все двери заперты.

Думат был везде. И в то же время — нигде.

Когда люди начали создавать языки, они попытались назвать его. Но слова для него были слишком грубы. Они ломались, рассыпались, теряли смысл. Его имя, для них, *проявилось* из той самой тишины, тех самых дум и молчания. Думат — это бог, которому не нужны слова. Бог, который слышит не только молитвы. Так родился культ.

Глава 3. Золотой век

В первые века своего почитания Думат был... нейтрален. Он не требовал жертв. Не насылал кары. Не вмешивался в дела смертных. Он просто *был*, как бывает воздух, как бывает свет, как бывает тьма. Люди молились ему в тишине, и он, возможно, слышал их. А возможно — нет.

Но в одном древнем тексте, сохранившемся в запретных архивах Минратоса, есть странная фраза:

"И тогда Молчание улыбнулось."

Никто не знает, что она означает. Возможно, это метафора. Возможно, ошибка перевода. Но жрецы Думата, жившие за много веков до Амароса, верили: их бог действительно улыбался. Потому что он видел то, чего не видели другие. Он видел *потенциал*.

Смертные были хаотичными, шумными, непредсказуемыми существами. Они наполняли мир звуками, движениями, страстями. Они были... живыми. И Думат, воплощение конца, наблюдал за ними с тем же чувством, с каким человек наблюдает за муравейником. С любопытством. С интересом. С ожиданием.

Глава 4. Предательство

Никто не знает, что именно произошло. Летописи умалчивают. Пророчества противоречат друг другу. Но в одном все источники сходятся:

Думат изменился.

Это случилось не сразу. Изменение шло веками, медленно, неотвратимо, как болезнь. Думат, который когда-то был просто тишиной, начал... хотеть.

Это было новое чувство. Чувство, которое древние называли *голодом*.

Думат впервые в своём существовании захотел больше. Не просто быть, но *обладать*. Не просто наблюдать, но *властвовать*. Не просто ждать, но *требовать*.

Причину никто не знает. Возможно, он увидел что-то в смертных, что пробудило в нём зависть. Возможно, он почувствовал, что его собственная природа начинает угасать, и в панике попытался уцепиться за бытие. Возможно, его отравило что-то извне, какая-то сила, пришедшая из-за пределов мира.

Или, как утверждают самые мрачные тексты, *он просто устал быть тишиной*. Тишина — это не покой. Тишина — это пустота, которая ждёт, когда её заполнят. И Думат, бывший пустотой, в конце концов, решил заполнить себя.

Чем?

Всем.

Глава 5. Падение в бездну

Когда Думат начал говорить, его голос стал другим. Не тем мягким, нейтральным присутствием, которое знали первые жрецы. Нет, теперь его шёпот был *настойчивым*. Он проникал в сны, в мысли, в души. Он обещал знание, силу, бессмертие. Он требовал внимания, поклонения, жертв.

Смертные, услышавшие его, изменились. Сначала — жрецы, потом — правители, потом — целые народы. Они начали строить храмы, приносить дары, совершать ритуалы. Они верили, что служат богу. Но на самом деле они кормили его.

Думат впитывал их страх, их надежды, их молитвы. Каждая жертва, каждая капля крови, каждый крик, произнесённый во имя него, — всё это становилось его частью. Он рос, усиливался, менялся. И чем больше он становился, тем меньше оставалось от того, кем он был.

Тишина, которая когда-то была его сутью, превратилась в *орудие*. Теперь он использовал её, чтобы пугать, чтобы подавлять, чтобы сводить с ума. Он научился говорить, но его слова были как удары бича. Он научился ждать, но его ожидание было как затишье перед бурей.

Он стал тем, кого смертные позже назовут *Драконом Молчания*. Молчанием, которое *научилось ненавидеть*.

Глава 6. Ненависть к свету

Что именно ненавидел Думат? Мнения жрецов расходились. Одни говорили: он ненавидит шум. Жизнь. Движение. Всё, что нарушает его покой. Другие: он ненавидит сам факт существования смертных, потому что они напоминают ему о том, чего он лишён — о душе, о воле, о способности выбирать. Третьи, самые мудрые (или самые безумные), утверждали: Думат ненавидит *самого себя*. Ибо он, воплощение конца, не может умереть. Он обречён существовать вечно, наблюдая, как рождаются и умирают миры, как вспыхивают и гаснут звёзды, как появляются и исчезают цивилизации. Он — последний, кто останется, и он это знает. Такое знание сводит его с ума. Поэтому он стремится ускорить конец. Не потому, что хочет власти. Не потому, что хочет разрушения как такового. А потому, что *хочет наконец-то отдохнуть*.

Если всё исчезнет, если наступит абсолютная, вечная тишина, — возможно, тогда он сможет раствориться в ней. И это, по мнению третьих жрецов, было единственным желанием Думата.

Глава 7. Обман

Когда Амарос слышал голос Думата, он слышал его эхо — искажённое, преломлённое, отравленное. Думат не был способен говорить с людьми напрямую. Его природа не позволяла ему звучать. Поэтому он использовал другие голоса: голоса умерших, голоса демонов, голоса самих людей.

Амаросу казалось, что он беседует с божеством. На самом деле он беседовал с собственной гордыней, которую Думат умело отражал, как зеркало.

Жрец хотел величия — и Думат показал ему величие.
Жрец хотел бессмертия — и Думат пообещал бессмертие.
Жрец хотел умиротворения — и Думат подарил его ему.
Но оно оказалось не благословением, а *ловушкой*.

Глава 8. Что такое зло?

Был ли Думат злым? Это зависит от того, что считать злом.

Если зло — это сознательное причинение страдания, то да, Думат был злым. Он прекрасно понимал, что его действия приведут к гибели тысяч людей. Он знал, что его шёпот сводит с ума, что его присутствие отравляет, что его дары — прокляты.

Но с другой стороны, он был *не способен* быть другим. Он был воплощением конца. Конца не бывает без боли. Конца не бывает без потерь. Конца не бывает без тьмы, которая приходит после света.

Можно ли винить ночь за то, что она наступает, или смерть за то, что она забирает? Думат был тем, кем был. И в этом заключалась его трагедия.

Он не выбирал быть Драконом Молчания. Он *стал им* — постепенно, незаметно, под влиянием сил, которые даже он сам не мог до конца понять. Возможно, где-то в глубине его существа осталась искра того, кем он был раньше. Возможно, он всё ещё помнил времена, когда тишина была не оружием, которая сводила с ума, а просто... спокойствием.

Но эта искра была погребена под веками ненависти, голода и одиночества. И когда Амарос призвал его, он призвал не бога, а *чудовище*. Чудовище, которое носило маску бога.

Часть 2. ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Глава 1. Дитя пепла

Он родился в ночь, когда вулкан впервые за сто лет выдохнул дым. Повитуха, принимавшая роды, говорила потом, что мальчик не закричал. Все дети кричат, выходя из утробы, — так они заявляют миру о своём существовании. Но этот ребёнок молчал. Он просто открыл глаза, тёмные, как обсидиан, и посмотрел на неё.

Повитуха, старая женщина, повидавшая за свою жизнь немало странного, потом призналась: ей стало страшно.

— Он смотрел на меня, как взрослый, — шептала она. — Как будто он уже всё понял, всё знал.

Мать Амароса, Ливия, была женщиной знатного рода, но не из числа высших магистров. Её семья владела небольшими виноградниками на южных склонах Клыкков Дракона и жила тихо, вдали от политических интриг. Отец, Деклан, был жрецом низшего ранга в Храме Молчания — человеком благочестивым, но лишённым амбиций. Он служил Думату не из жажды власти, а из искренней веры. Вера его была проста: боги существуют, их нужно почитать, а всё остальное — суэта. Амарос был их первым и единственным ребёнком.

Ливия умерла на четвёртый день после родов. Врачевате-

ли говорили — лихорадка. Жрецы — благословение Думата, забравшего её в тишину. Деклан молчал. Он взял младенца на руки и отнёс его в Храм, решив, что сын будет расти там, среди жрецов, вдали от мира, который забрал у него жену.

Глава 2. Тишина как язык

Детство Амароса прошло в каменных коридорах. Он не помнил матери — лишь смутное ощущение тепла, которое иногда всплывало во сне. Отца видел редко: Деклан служил в дальних залах и редко поднимался в жилые помещения. Воспитанием мальчика занимались жрецы — суровые, молчаливые люди, которые учили его словам, и молчанию.

В Бариндуре тишина была не просто отсутствием звука. Она была *языком*. Жрецы умели говорить молчанием: выражать одобрение лёгким наклоном головы, высказывать презрение едва заметным сужением глаз, передавать сложные приказы одними лишь жестами и паузами.

Амарос выучил этот язык быстрее всех. Он был странным ребёнком. Тихим не потому, что его заставляли, а потому, что ему самому было так удобно. Он не играл с другими детьми. Не бегал по коридорам. Не задавал лишних вопросов. Он сидел в библиотеке, читая древние тексты, или стоял у окна, глядя на город, раскинувшийся внизу.

Жрецы говорили: «Он прирождённый слугитель Молчания».

Но один старик, Луций, который тогда был ещё не прорицателем, а простым наставником послушников, как-то раз заметил:

— Он не слушает тишину. Он её *ждёт*. Великую. Насто-

ящую.

— И что это значит? — спросил другой жрец.

Луций долго молчал, прежде чем ответить:

— Не знаю. Но это пугает меня.

Глава 3. Первый шёпот

Амаросу было двенадцать, когда он впервые услышал Его. Это случилось в подземных залах Храма, куда допускались только старшие жрецы. Амарос не должен был там находиться. Он прокрался туда ночью, движимый любопытством, которое оказалось сильнее страха.

Подземелье было огромным. Вырубленное в скале, оно спускалось вниз, всё глубже и глубже, пока не упиралось в массивную бронзовую дверь, покрытую рунами, значение которых знали только избранные. Амарос стоял перед этой дверью, ощущая, как холод проникает сквозь камень, как воздух становится густым и тяжёлым, как где-то внизу, в темноте, что-то *дышит*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.